

Н. В. Лау

ВОПЛОЩЕНИЕ ИДЕАЛА «ВЕЧНОЙ ЖЕНСТВЕННОСТИ» В ТЕТРАЛОГИИ Б. К. ЗАЙЦЕВА «ПУТЕШЕСТВИЕ ГЛЕБА»

На примере тетралогии Б. К. Зайцева «Путешествие Глеба» рассматривается путь обращения к Богу русского интеллигента. Прослеживается влияние женских образов на духовное становление главного героя, а также раскрывается воплощение идеала «Вечной Женственности» в образах героинь романа писателя-эмигранта.

Ключевые слова: идеал «Вечной Женственности», женские образы, образ Прекрасной Дамы, духовное становление.

В последние два десятилетия проза писателя-классика XX в. Б. К. Зайцева, чье творчество называют «духовным реализмом», неоднократно становилась объектом исследования. Как правило, в центре внимания находятся проблемы мировосприятия. Большинство произведений писателя-эмигранта пронизано христианским мировоззрением. На это указывали как современники писателя, так и позже ученые-литературоведы. В частности, А. М. Любомудров подчеркнул, что «Зайцев явил редкий в художественной литературе феномен: мало к кому из русских писателей XX в. можно без оговорок применить определение *православный*» [1, с. 32]; П. В. Коряков отметил, что в эмиграции Б. К. Зайцев «поддерживает обозначенное еще в ранней прозе религиозно-философское исследование вопроса о человеке» [2, с. 124].

Процесс формирования личности, ее духовно-нравственное становление – сквозная тема в творчестве прозаика русского зарубежья Б. К. Зайцева. По верному замечанию М. А. Хатямовой, исследуя «моменты индивидуального религиозного прозрения, ...Зайцева-христианина чрезвычайно занимает проблема творческой личности» [3, с. 55–56]. В сюжете тетралогии «Путешествие Глеба» раскрывается тема интуитивного постижения тайн мироздания именно художником – путь к Богу русского интеллигента. Вся жизнь Глеба являет собой внутреннее поступательное движение к Истине Горнего Мира. Особую роль в обретении главным героем духовных ценностей играют в романе наставники, представленные автором через женские образы.

Для Б. К. Зайцева всегда была важна «идея женщины» как хранительницы родовых устоев. Женщина, как и сама Россия, есть носительница родового начала, в ее предназначении уже заявлена святость: в дорогом Глебу образе матери – не только «основательность» и «верховная власть» [4, с. 28]. «Неверившая в ангелов», она «сама являлась ангелом» в снах заболевшему мальчику, будучи тем «островом прежнего» [там же, с. 65], за который цеплялось сознание Глеба в горячечном бреду. Истинная женская любовь всеохватна: «с ранних детских лет» мать «действовала на него неодоли-

мо» [там же, с. 178], всегда была готова подставить свое плечо, которое, казалось бы, только «для того и создано, чтобы к нему склоняться» [там же, с. 179]. Хрупкая женская рука жены Элли, сестер Лизы и Сони-Собачки «вела» Глеба, поддерживала его в любых жизненных ситуациях, утешала. Женщина интуитивно мудра, но в то же время легкомысленна, в своей беззаботности она не осознает той веры, которая ей гармонично присуща. В тетралогии Зайцева, как и в его романе «Золотой узор», истинное православное начало воплощено в мужских образах.

Продолжая блоковские мотивы «Вечной Женственности», Зайцев внес свои вариативные штрихи в бессмертный образ. Соединение стихии женской души и «музыки» (искусства вообще), без сомнения, уходит корнями в циклы А. Блока «Кармен», «Стихи о Прекрасной Даме». Отсюда же взаимопроникновение и родство внутренней жизни героини и гармонии природы. Женщине свойственны необычные всплески настроений: то «смех, радость, отчаяние..., щедрость, стихия, мечущая направо, налево» [4, с. 395], то тихая задумчивость, углубленное созерцание. Эти обязательные проявления женской сути свидетельствуют о неизмеримом богатстве внутренней, чувственной жизни героини, отсутствие которой противоестественно женщине. Именно поэтому Глеб не принимает героинь с «рациональной» чертой – фрейлейн Пабст, пианистку Веру, дочь демократа Катю Новоселову, фельдшера Мясову.

Но существуют и отличия героинь Б. К. Зайцева от блоковской Прекрасной Дамы. Высокий идеал воплотился у Зайцева в рядовых женщинах, обычных земных созданиях: в образах всегда спокойной и сдержанной матери Глеба, легкой и быстрой Элли, изящной вице-губернаторши Анны Сергеевны, потомственной французской дворянки, гувернантки Софьи Эдуардовны. Между «прекрасными дамами» Зайцева и главным героем нет дистанции, пропасти. Самого же Глеба отличает от лирического героя блоковских циклов то, что он с благодарностью принимает внебожественность, земное естество женщины. Герой Зайцева не обращает

женщину в икону – они все живые и телесные, что ни в коей мере не разочаровывает Глеба, но наоборот – дарит ему полнокровное ощущение счастья, в котором соединены земное и небесное. Он не стремится обратить «человеческое» в «божественное», но пытается освятить чувственное, земное начало.

Облику героинь Зайцева присущи некоторые обязательные символические черты. Зеленоватые глаза, напоминающие о зелени лесов, трав, являются также насителями тайны; большой рот – признак особой чувственности; иногда воспаленная кожа – как проявление нежности, выражение отзывчивости натуры, чуткости; легкая и быстрая поступь; «развивающиеся локоны» [4, с. 394] пушистых волос создают ощущение невесомости и полета. Подобными чертами в той или иной мере наделены и мать, и Элли, и Лиза, и Софья Эдуардовна, в некоторой степени и Лера.

Герой романа тайным образом, подспудно угадывает истинное воплощение «Вечной Женственности», но вместе с тем открывает для себя и чуждость идеалу в женщине. Именно поэтому что-то прочно сдерживало Глеба, не позволяя ответить взаимностью на чувство Леры. Он осознавал недостаточность лишь одной природной легкости. Не случайно в юной Лере и в неприятной Глебу жене Красавца, тетке Олимпиаде, выделена общая черта – довление природного изобилия (Олимпиада была «здоровой купечской закваски, обильно созданная» [там же, с. 218], Лера же была «похожа на воздушный пирог» [там же, с. 363]). Герой чувствует, что обе женщины лишены истинного Божественного Дара. Искусство не становится их стихией, они воспринимают его по-мещански рационально. В то время как для автора была важна неразрывная связь «Вечной Женственности» с творческим началом.

Совершенно особую роль в формировании духовного мира человека в тетралогии Б. К. Зайцева играет природа, таящая в себе идеал «Вечной Женственности». В природе незримо присутствует Сам Творец: «Кажется, что сейчас задохнешься от ощущения счастья и рая – да, конечно, рай и пришел из Высоцкого заказа, или еще дальше из-за него, в световых волнах, в блаженстве запахов и неизъяснимом чувстве радости бытия. Благословен Бог, благословенно имя Господне! Ничего не слышал еще ни о рае, ни о Боге маленький человек, но они сами пришли, в ослепительном деревенском утре...» [там же, с. 27]. Природа говорит Глебу о Божественном идеале раньше, чем ему поведают об этом взрослые, являясь первым наставником мальчика на пути его духовного становления.

Усадьбы Усты, Будаки, хутор помещика Кноррера представлены автором как таинственные уголки природы, где не ступала нога человека, еще не отмеченные его вмешательством и являющие

собой примеры полного совершенства Божьего творения, «эдемского состояния». Писатель помещает маленького Глеба будто в Божий Рай. Но в то же время отмечает в своем современнике черты «Ветхого Адама», «поврежденности» его натуры уже с младенчества. Первая страсть маленького Глеба проявляется на охоте, когда «мальчик скитается в одиночестве, странно стремясь к убийствам... волнуясь, подкрадываясь» [там же, с. 41]. Глеб, не вынося жестокости, грубости и насилия, в то же время «с восторгом, почти сладострастным» любил смотреть, как глаз подстреленной им птицы «предсмертно затягивается – сероватою пленкой» [там же]. По оценке Зайцева, мальчик «не был уже вполне идиллией» [там же, с. 76].

Преодолеть состояние разлада своей внутренней природы мальчику помогает природа внешняя, скрывающая в себе женственный лик. Она становится не только первой наставницей на духовном пути человека, но и главной вдохновительницей его творческих исканий и порывов: в детские годы, когда Глеб «помогал весне» исполнять свое привычное дело, «наблюдал» за ее успехами, «жил с нею»; в студенческие годы, в начале своего писательства, творческих исканий, когда в стремительном движении звезды, туманы, проносимая река сливались «в грохоте поезда с тем остросладостным и пронзительным, что в самом Глебе...», выводя ритм «летающих слов» [там же, с. 387]. В зарождении вдохновения героя, его лирического полета участвовала воспринимающая, «женская» стихия (София), где логическое отступало на второй план, а изначальным явилось «тихое полоумие» восторга. Аналогично трактовал суть гения, художника и С. Н. Булгаков в «Свете Невечернем» – как гармоничное соединение «Логоса» и «натуры»: «Художник не только зрит Софию своими умными очами, но послушным резцом являет миру свое видение. ...Ибо всякое подлинное искусство, являющее красоту, имеет в себе нечто вещное, открывает высшую действительность. Отсюда явствует и исключительное значение искусства, его иерархическая высота. В красоте природы, как в созданиях искусства, ощущается частичное или предварительное преображение мира, явление его в Софии, и красота эта своим эросом поднимает человека в мир вечных образов идей» [5, с. 313–314].

Россия – самый дорогой на Земле уголок для героев романа Б. Зайцева. Это не только место, где прошли их детские годы и юность и с которым связаны личные воспоминания. Для Зайцева – Россия это больше, чем просто территория. Земля предков хранит в себе саму «идею» России и женское начало, как и «София» Булгакова таит до определенного срока семя мира. Россия незаметно заронила

свои духоносные семена в беззаботные души Глеба и Эллы, их дочери Тани, сохраняя их до времени и не сразу являя сознанию. В этом заключалась идея русского возрождения для автора, несмотря на все увлечения Эллы в юности декадентами, Ибсеном, Гамсуном, несмотря на «прививку Италии и Германии» [4, с. 395], «в ней сидел дух земель московских, русских предков, рода, семьи» [там же, с. 497]. «Главная всей России» [там же, с. 480], – так не случайно будет называть Эллу ее дочь Таня.

Те же истоки питают веру Глеба. Тайные семена Родины хранятся в ее Святых местах, мимо которых путешествуют юные герои: в Дивеевской обители, где незримо присутствует старец Серафим Саровский; в Мценске, связанном с именем Тургенева; в Ясной Поляне, где жил Л. Н. Толстой; в Смоленске, памятующем о нашествии Наполеона. Православная Родина словно тайным перстом

указывает на свою веру героям, далеким от нее. Неспроста в Пасхальное утро паром, на котором плыли Глеб с матерью, очутился рядом с церковью и помимо своей воли, будто повинувшись тайному зову, они, неверующие, произнесли заветное: «Христос Воскресе! – Воистину Воскресе!». Тайные «семена» отчей земли прорастают в их душах, оживотворяя и пробуждая дремлющий дух: «их неслась в себе жизнь русская, сама тогдашняя Россия, как бескрайняя вода паром» [там же, с. 179]. Россия для героев Зайцева – словно «Ковчег» [там же, с. 179] Завета, средоточие русской православной культуры. Поэтому находясь в немецкой среде на Балтийском море, семья Глеба, как ветхозаветный Ной, будет хранить в себе родные начала: жертвенная любовь и бескорыстная помощь ближнему, открытость души, устремленность сознания к «вечным» вопросам, полет творческой мысли.

Список литературы

1. Любомудров А. М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья (Б. К. Зайцев, И. С. Шмелев): дис. ... докт. филол. наук. СПб., 2001. 249 с.
2. Коряков П. В. Монашество в творчестве Б. К. Зайцева: дис. ... канд. филол. наук. М., 2002. 208 с.
3. Хатямова М. А. К проблеме персонифицированного повествования: «Золотой узор» Б. К. Зайцева // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2007. Вып. 8 (71). С. 55–60.
4. Зайцев Б. К. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 4. М.: Русская книга, 1999. 624 с.
5. Булгаков С. Н. Свет Невечерний: созерцания и умозрения. СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2008. 640 с.

Лау Н. В., кандидат филологических наук.

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет.

Ул. Новокузнецкая, 236, Москва, Россия, 115184.

E-mail: natlov77@mail.ru

Материал поступил в редакцию 22.02.2011.

N. V. Lau

EMBODIMENT OF THE IDEAL OF “ETERNAL WOMANLINESS” IN B. K. ZAITSEV’S TETRALOGY “GLEB’S JOURNEY”

In this article, upon the example of B. K. Zaitsev’s tetralogy “Gleb’s Journey”, the way of conversion to God of Russian intellectuals is depicted. The influence of female images on the spiritual formation of the main character is traced, and also the embodiment of the ideal of “Eternal Womanliness” reveals in the female images of the novel, written by the writer in emigration.

Key words: *the ideal of “the Eternal Womanliness”, female images, the image of “the Beautiful Lady”, spiritual formation.*

St. Tikhon’s Orthodox University.

Ul. Novokuznetskaya, 236, Moscow, Russia, 115184.

E-mail: natlov77@mail.ru